

КРИС ХИТ

ROBBIE WILLIAMS

ОТКРОВЕНИЕ

18+

RADIO
MONTE
CARLO
102,1 FM

Крис Хит
Robbie Williams: Откровение
Серия «Music Legends & Idols»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39443102

К. Хит. Robbie Williams: Откровение: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-108777-7

Аннотация

Крис Хит работал в тесном сотрудничестве с Робби Уильямсом в течение многих лет и в этой книге Робби выставляет свою жизнь в самом неприглядном виде, беспощадно перечисляя все свои промахи, недостатки и разочарования.

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Крис Хит
Robbie Williams:
Откровение

Chris Heath

Reveal: Robbie Williams

© 2017 by Robbie Williams and Chris Heath

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Введение

Это книга о Робби Уильямсе. Это подробный и откровенный рассказ о его жизни, свершениях и мыслях. Герой книги хорошо известен, и также известна его природная открытость и честность, поэтому данная биография приводит такую информацию и описывает такие моменты, которые не очень-то ожидаешь от книги с фотографией современной «звезды» на обложке. Моменты эти очень разные: душераздирающие, нелепые, забавные, неприятные. Они – шокирующе откровенные или совершенно бестолковые, нежные и духоподъемные, смехотворно самовлюбленные и трогательно щедрые, приводящие в уныние и жизнеутверждающие, а также – раздражающие и радостные.

И прежде всего расскажем историю о песне, которую Робби недавно пытался сочинить. Поначалу история эта может показаться мрачной, потому что эта песня – одна из тех, в которой он выставляет свою жизнь в самом неприглядном виде, беспощадно перечисляя все свои промахи, недостатки и разочарования. Но в то же время это хороший проводник к одной стороне его души, к кипящему котлу сомнений, что варится в его голове. И это история в которой, глядя страхам в лицо, он каким-то образом обретет некую магию. Не будет «спойлером», если я в самом начале скажу, что такое в той или иной степени будет повторяться снова и снова. У жизни

нет хэппи-энда, пока она продолжается, ибо все мы уязвимы перед капризной фортуной и собственными слабостями. Но если на одном уровне эта книга есть продолжающаяся хроника беспокойного мужчины в поисках богатой жизни, которая, как весь мир считает, у него давно есть, то даже это повествование затрагивает как триумфы, так и борьбу, что не должно омрачать новости о том, что ныне эти поиски по большей части проходят крайне успешно.

Глава 1

Июнь 2016 года

Он рассказывает свою жизнь в микрофон. Ну или одну из ее версий:

«В общем, я не собирался жениться, не собирался заводить детей, моя жизнь – могу ее просрать. Очень хорошо у меня это получалось, старался. Я не продавался, потому что сам не скупал по дешевке, и никогда не чувствовал себя уютно в своей шкуре. И не собирался избавляться от беспокойств. Беспокойства у меня до хера, блин».

Сегодня Роб – в лондонской студии РАК, вместе с автором песен Джонни Макдейдом. Писать песни – процесс подчас очень личный: соавторы больше обмениваются мыслями

и делятся опытом, чем собственно прорабатывают тексты и мелодии. Джонни предложил такое: а что если Роб поговорит что-нибудь под музыку, что-то, чем он с беспощадной откровенностью делился. Этого никто никогда не услышит. Роб согласился.

«Знаю, когда ты молод, ты думаешь, что все изменится к лучшему, потому что в молодости мы все бессмертны, и все окружающее дерьмо только кажется вечным, так? Но я провел на этой планете немного времени, и оно не исчезло. Я прошел сквозь горизонт, но я все еще здесь».

Отчасти нарастающая нервозность Роба вызвана грядущим альбомом. Он написал очень много новых песен, сам даже не знает, – сколько – 60, 70 или 80, но все еще ищет чего-то, что никак не может найти. Не просто хорошее-особенное-честное, а *неотразимое*. Чтоб сразу было понятно: вот это – хит!

«Я завистник, ограниченный, неуверенный, слишком чувствительный, малообразованный. А мой успех – это какой-то сбой в матрице. И да, ну да, от этого больнее, чем если б вы меня обозвали жирным... бездарным... противным».

Как-то не очень похоже, что именно эта песня будет именно тем, что он ищет. Но он продолжает с ней работать.

Как он позже скажет – «я пытался быть честным».

«Потому что, может быть, вы говорите то, что я сам о себе думаю. Я не стану обращаться с другими людьми так, как обращаюсь с собой. Легко перечислю свои недостатки. Быть

на позитиве очень трудно. Выхода нет».

За все эти годы он написал несколько песен, которые совершенно жестко и безжалостно рассказывали о мужчине, который их поет. «Он бросает себя под автобус, – замечает Джонни, – пока никто другой не успел этого сделать». Но хотя самоистязания – одна из самых продуктивных тем у Роба, она обычно несколько более завуалирована, чем сейчас – метафорами, юмором или такой сардонической напыщенностью, при которой самокритика звучит как похвала.

А то, что сейчас произносится – неприкрашенная расшифровка самых мрачных мыслей.

«Я себя лечил наркотиками, алкоголем, женщинами, телевидением, интернетом, сигаретами. Это у меня в ДНК, или я праотец своих праотцов?»

Лишь в самом финале данного монолога есть небольшой момент подъема, легкий поворот в стиле триумф-через-поражение, моя-сила-в-моей-слабости:

«Ну, на самом деле моя уязвимость всегда была моей же силой. Благодаря ей я достиг того, чего достиг. А все я это делал потому, что думал: не смогу».

Не слишком-то щедро, после столь долгого самобичевания.

Тем не менее сегодня достигнут определенный результат: сжатая трехминутная автобиография, ярко поданная через сомнения и страхи. Песню они назвали «Я это я» (“I Am

Me”) – по той части, где повторяется: «Где бы я ни был, там я буду... я это я» ('Wherever I Am, that's where I'll be... I am me'). Конечно, песня эта даже отдаленно не напоминает планетарный хит-сингл, который хочет Роб, но иногда творческий процесс просто сопротивляется, если его куда-то направляют.

Поиск будет продолжаться.

* * *

Роб сочиняет песни всегда.

Он в курсе, что некоторые люди считают его эдакой поп-звездой, которая вечно бегаёт-прыгает и делает что поп-звезде положено, а новые песни ему подбирают и в альбомы собирают, причем он в этом участвует минимально, или вообще не участвует. У многих современных поп-звезд именно так все это дело и происходит, причем для некоторых эта схема дает отличный результат.

Но Роб-то в принципе другой. И таковым был с самого начала, еще когда начал писать песни в середине 90-х. Он из тех музыкантов, кто постоянно сочиняет просто потому, что это его дело. Он из тех, кто выставляет напоказ каждый триумф, каждый провал, каждый подъем и падение, любую фантазию и умную мысль, амбицию и мечту, сильное воспоминание, похвалу, шутку, острую фразочку и скверную рифму, каждую надежду и разочарование... все это, все о величии и

неразберихе в своей жизни – песня за песней, без конца. И песен гораздо больше, чем кто-либо когда-либо услышит.

Например, он никому об этом не рассказывал, но к концу 2006 года он отошел от дел, отправился на покой. Завязал быть поп-звездой. И даже если сейчас он признаёт, что та единственная причина, по которой он ничего не говорил почти никому – это потому, что где-то глубоко в душе он должен был понимать, что в конце-то концов вернется, ибо почти три года говорил себе, что его звездные дни позади. Но *даже тогда* он не переставал сочинять песни. Ему просто в голову не приходило, что можно взять и не писать больше. В то время, если б вы посетили его в этом новом качестве бывшей-поп-звезды-ныне-отшельника и хотя бы намекнули на то, что странно – вот есть новые песни, и вам он их показывает, и в доме периодически живут соавторы, – он бы отнесся к вам как к какому-то зануде. Неужели вы не понимаете, что отдалился он от совершенно другого? От того, что он бы описал словами – если б пришлось – «Поп-звезда Робби Уильямс» со всеми сопутствующими. Он ушел от всего, что где-то *там*. И почему, Господи, нужно при этом перестать писать песни? Это ж как раз то, чем можно заниматься дома, спокойно и с друзьями. И никому об этом знать не надо. Просто это то, что он *делает*.

Так что он пишет, потому что пишется. Но даже в этом случае, как он обнаружил, когда все-таки вернулся, если ты поп-звезда на протяжении довольно долгого времени, то на-

пряжение принимает разные формы, но растет неизменно. Есть в карьере успешных поп-звезд такое золотое время, когда можешь все и никаких препятствий нет. Все, что ни делаешь, происходит как бы вообще без усилий, а любое твое тихо сказанное простое слово слышит весь мир. Все песни бьют прямо в цель – так точно, что через какое-то время ты как бы вообще не в состоянии промазать.

И вот в один прекрасный день как будто в небесном механизме какую-то шестеренку заклинило, и все остановилось. Со всеми так бывает, какими бы талантливыми и знаменитыми они ни были. Без исключений. С этой поры успех, признание и богатство могут продолжать прирастать, но уже не так легко, как раньше. А как раньше – так уже никогда не будет.

* * *

В общем, сейчас июнь 2016 года, и менее чем через пять месяцев Робби Уильямс планирует выпустить альбом новых поп-песен – первый за четыре года. Первый альбом такого жанра после того, как ему перевалило за сорок. А напряжение нарастает. Писать песни ради самореализации и удовольствия может быть занятием сколь угодно приятным, но писать песни, зная, что их будут судить на предмет соответствия неким стандартам, которые особо никак не определишь и не опишешь, – это, конечно, стресс.

Песни, которые он писал время от времени последние четыре года, Роб носит с собой – они на ноутбуке, который всегда с ним. (Ну, если быть точным, на последней версии этого ноутбука. Чаше, чем можно себе представить, на этот портативный компьютер обрушиваются всякие несчастья – то уронят, то водой обольют, и тут приходит на помощь специалист, который перекидывает данные на новенький ноутбук.) Роб все время проверяет на людях ту песню, которая у него сейчас в голове – чаще всего самую новую, но иногда какую-то старенькую, что выскочила из памяти. Некоторые написаны с его прежним соавтором Гаем Чемберсом, другие – с музыкантами его нынешнего концертного коллектива, часть – со старыми друзьями из Stoke, с продюсером Стюартом Прайсом и другими, с кем познакомился по рекомендациям. (Вот, кстати, красноречивый факт, много говорящий о Робе: с малознакомым человеком ему гораздо комфортнее сочинить песню, чем, скажем, поужинать в ресторане.) Даже если менее половины этих песен всерьез претендуют на место в новом альбоме Робби Уильямса, все равно пишется очень много.

Он не перестает задавать себе и окружающим такой вопрос, даже если он не так сформулирован: что-то из этого – хит? Многие песни ему нравятся, за многие ему не стыдно, многие очень хороши с любой стороны, как ни посмотри. Но в поп-музыке не дают призы ни за количество материала, ни за тяжкие труды, ни даже за стабильность мастерства, поэто-

му надо искать песню, которая пробьется к широкой аудитории и надолго западет в народную память. Может быть, такие песни у него уже есть. Это очень трудно понять.

Время поджимает уже очень сильно, но он все ищет. Вы можете подумать, что в такой ситуации он совершает обычную ошибку: пытается силой выжать что-то коммерческое, тупое или плоское. Но нет – песни развиваются своим путем. Иной день начинаешь с поиска хита, а заканчиваешь бесконечными разговорами, матом и душераздирающим резюме всех плохих мыслей, осаждающих твою голову. Всегда же есть завтра.

* * *

На следующий же день они с Джонни Мак Дейдом возвращаются в студию РАК, чтобы еще поработать над “I Am Me”. Странное совпадение: ранее Роб кинул на почту Джонни цитату писательницы Марианны Уильямсон, но Джонни сам, совершенно независимо, где-то прочитал ее на той же неделе. Цитата, собственно, о страхе: «Самая глубокая наша боязнь – не оказаться неадекватным. Самая глубокая наша боязнь – что мы сильны вне всякой меры. Именно свет наш, а не тьма, пугают нас всего более».

Вот такое вот они обсуждают, и примерно в такой атмосфере находятся. В определенный момент Роб уходит в ванную, а по возвращении слышит, что Джонни наигрывает на

фортепиано некие аккорды. Он тут же начинает подпевать.

Я люблю свою жизнь.
Я силен,
Я красив,
Я свободен.

«Это такая песня, с которой я самому себе придаю сил, потому что на самом деле это совсем не то, что я чувствовал», разъясняет Роб. «Я депрессивный тип, боровшийся со счастьем. Я это преодолел, поэтому могу теперь спеть “я люблю свою жизнь”. Интуитивно я знаю, что очень многие такое чувствуют».

В любом случае таково сейчас его разумное объяснение. Такой набор слов он вообще-то поет совсем нечасто. В поп-музыке, конечно, в избытке песен, которые самому себе придают сил, зачастую тщетно, но в каталог Робби Уильямса они не входят. Он, возможно, почувствовал, что может сделать такую песню – вот прямо здесь, прямо сейчас, потому что понимает, что это уравновешивает те слова о собственном несовершенстве, которые он вчера наговорил в микрофон.

Я люблю свою жизнь.
Я прекрасен,
Я чудесен,
Я это я.

Это явный припев. Они на него потратили минут пять. Теперь есть песня.

Но это просто еще одна песня, еще одна в компьютере. Она, конечно, с изюминкой, но опять не то, что требуется. Весь тот мрачный диалог – не то, что можно использовать в потенциальном хите. Но есть еще проблема – тот припев. Роб понимает, что в нем есть некая мощь. Когда он его пел, он именно это и имел в виду. Но при этом он не может представить, что эти слова он поет о себе – во всяком случае, не публично, не как Робби Уильямс, который сообщает миру, что любит свою жизнь.

«Мысль, которая постоянно ко мне возвращалась – я не могу этого сделать, потому что звучит самовлюбленно».

Тому, что он делает, неотъемлемо присуще хвастовство в разных формах, но вот в такой – никогда. Это просто не его.

* * *

Во всей этой истории есть одно, что его не беспокоит, хотя кого угодно именно это бы и беспокоило: мысль, что в этих стихах он слишком уж откровенничает. Что сказал слишком многое. Что раскрыл то, что лучше бы прятать.

Похоже, это единственное, что его никогда не беспокоило и не беспокоит. Возможно, тут правды больше, чем разумный человек осмелился бы раскрыть. Но это то, что Роб делал на протяжении всей своей карьеры. Можно даже сказать,

что это одна из алогичных основ, на которой он ее построил.

Большинство людей пытаются защитить себя, скрывая секреты. Но есть и другой способ. Если ты раскрываешь секреты, делишься историями до того, как их кто-нибудь узнает, то их уже гораздо сложнее использовать против тебя.

Ну и при таком способе все равно они остаются твоими.

* * *

Сентябрь 2016 года

Сейчас 7.30 утра. Утро бывает тихим, бывает не очень. Этот понедельник будет для отца и дочери днем воспоминаний рэп-хитов. Они завтракают в лос-анджелесском доме семьи Уильямса. Тедди – Теодора Роуз Уильямс, которой на следующей неделе исполняется 4 года – ест вафли и малину, глядя в экран телевизора, который показывает “I’m Bad” рэпера Эл Эл Кул Джея. После этого клипа начинается “Don’t Believe The Hype” группы Public Enemy, затем – “Jump” дуэта Kriss Cross.

«Вот эта папе нравилась, – объясняет ей ее личный видежей, мужчина 42-х с половиной лет. – Нравится тебе, Тед? Они все задом наперед надевали».

«Зачем?» – спрашивает Тедди.

«Интересный вопрос».

После “Getting’ Jiggy With It” Уилла Смита идет финальный клип подборки. «Сейчас будет класс», – обещает папа и

включает “Hey Ya!” группы OutKast.

«Хотел бы папочка сам такую сочинить», – замечает он.

* * *

Сегодня у ее отца первый день общественной кампании по раскрутке грядущего альбома *The Heavy Entertainment Show*. Он как приглашенная звезда выступает на британском «Голосе» (X Factor), для чего ему необходимо почти целый день сниматься в доме Шэрон Осборн. В качестве подготовки к съемкам, после завтрака он отправляется обратно в постель.

Заснув во второй раз, он видит такой сон. Его жена Айда купила дом в Лас-Вегасе, и он – даже во сне – с удивлением отметил: там есть сцена. И странности на этом не заканчиваются. «На новоселье за столом – множество футболистов, – вспоминает он. – Там еще множество столов, но я кроме футболистов никого не знаю». Крайне некомфортная обстановка. «Я попытался попасть внутрь, но сюрпризы не люблю. Хотя Уэйн Руни был очень приятен». И хотя фасад дома не сильно отличался от его лос-анджелесской резиденции, то с другой стороны происходили куда более странные вещи.

«Сзади дом примыкал к Тунстоллскому рынку». Тунстолл – это район в Сток-он-Тренте, где он рос.

Роб все это рассказывает совершенно обыденным тоном

в машине, спускаясь с Голливудских холмов и направляясь к дому Шэрон Осборн. Даже если он сам, по-видимому, не находит ничего необычного в том, что во сне ходит по какому-то нереальному дому с концертной площадкой и порталом в детство на заднем дворе, то, наверное, это потому, что он привык к еще более странным вещам, которые постоянно с ним происходят и во сне, и наяву.

Майкл Лони, один из менеджеров, который старается во время рабочих дней находиться рядом с Робом постоянно, говорит, что тоже видел тревожный сон. И тоже с участием Роба. Майклу приснилось, что Роб с группой должны сегодня лететь на вертолете на частный концерт где-то во Франции, но он совершенно забыл сказать об этом Робу. Когда он проснулся, то на самом деле полез в ежедневник – проверить, что ничего такого у них сегодня не запланировано.

Далее следует длительное обсуждение страшных снов.

«Ага, – говорит Роб. – Мне то и дело снится, что Айда меня бросила. Она такая холодная, ноль эмоций...»

«То есть у тебя повторяющиеся сны, так, что ли?» – спрашивает Майкл.

«Ну, я их не считаю повторяющимися, – отвечает Роб. – Это просто я и медикаменты».

Пару дней он проболел – простудился, жаловался на плохое самочувствие. Майкл спрашивает, получше ли ему сегодня.

«Наверное, получше, – осторожно предполагает Роб. –

Но, понимаешь, когда ты не хочешь, чтоб люди от тебя слишком много ожидали, ты говоришь “похуже”».

* * *

Дом Шэрон Осборн – один из тех, на которые вешают табличку «Осторожно, злой хозяин. На собаку не обращайтесь внимания». Когда Роба гримируют в одной из комнат наверху, Шэрон заходит поздороваться.

«Я простужен, – предупреждает он. – Целоваться не будем, просто пожмем руки»».

Поприветствовав друг друга, заводят разговор о недвижимости и дизайне помещений. (Шэрон и Оззи только что переехали в этот дом, впрочем Оззи все равно постоянно на гастролях.)

«Я в этом плане решений никаких не принимаю, – говорит Роб. – У меня жена есть, я десять лет назад отдал ей свои яйца, она их держит в баночке у кровати».

Он сообщает Шэрон, которая здесь, в Америке, ведет женское ТВ-шоу, что Айда недавно побывала одной из ведущих программы Loose Women.

«Ей понравилось?» – спрашивает Шэрон.

«Да, очень, – говорит Роб. – Понравилось. Мне тоже понравилось, как она там. В смысле – она говорит много, но мне нормально. Ничего такого не сказала, о чем мы не говорили бы при людях».

Они болтают о друзьях и врагах, Роб рассказывает, что недавно где-то пересекся с Пирсом Морганом, с которым у него давно напряженные отношения. «Я думал, что ты должен орать, беситься и говорить всякие гнусности, – говорит он. – Я думал, что ты должен донести до властей свою правду... но я теперь отец. А они все равно ничего не станут слушать, ничего не изменится в любом случае, только сам себе проблем наживешь. С таким же успехом можно с ними быть и приветливым».

«Милым быть – за это не надо ничем платить», – говорит один из продюсеров «X Factor», который тоже находится в этой комнате.

«Ничем, кроме чувства собственного достоинства, – парирует Роб. – Я, правда, своего лишился еще в 1991. Так что все нормально».

Немного погодя после того, как Шэрон и деятели с «X Factor» вышли из комнаты, Роб вдруг говорит: «Да, в клипе “Do What U Like”». Это был клип на первый сингл Take That. В финале клипа все пятеро певцов группы голыми лежат на полу, а некая молодая женщина шваброй намазывает им ягодицы желе.

Пауза.

«Там я потерял свое достоинство», – добавляет он, чтоб уж всем все до конца стало ясно.

Начало цепи событий, благодаря которой Роб мило повел себя с Пирсом Морганом, положено было в некоем игровом детском спортзале под названием Dan The Man Gym. Туда Роб с Айдой водили сына Чарли (Чарлтон Валентайн Уильямс, в следующем месяце – два года.) Там они встретились с девушкой Саймона Коуэлла, Лорен Сильверман, которая пригласила их на свой день рождения – завтра вечером в отеле Chateau Marmont. Именно туда Роб частенько захаживал, когда был холост и свободен, и снова посещать это место не горел желанием. Но он подумал, что там сто́ит хотя бы засветиться ненадолго. Не особо размышлял над тем, кого еще туда занесет.

«А тут вдруг из толпы Пирс Морган», – рассказывает он. Тут пришлось быстро принимать решение. Дело в том, что Пирс Морган годами говорил всякие язвительно-назидательные вещи в адрес Роба, да и Роб с резкими ответами не медлил. Иногда даже первым мог нанести ответный удар. И теперь вот они здесь оба. «Конечно, я в затруднительном положении – я на вечеринке, куда и он приглашен, и я не могу грубить и предпринимать какие-то жесткие действия», – объясняет Роб. Поэтому он решил поступить прямо противоположно. «Я подошел и обнял его. И он такой: Робби, мы сейчас враги или как, я ничего не понимаю! Я говорю: смот-

ри, ну вот когда весь этот негатив в прессе насчет меня был, ты явился прямо олицетворением всего плохого. Он ответил: да, я это осознаю. А я говорю ему: Я немножко старше стал. Он: ...и мудрее. И я такой: ага, мудрее. Ну вот так все мило и прошло».

Когда подали праздничный ужин, они сели рядом, и с ними – Саймон Коуэлл и Лорен, Айда и Николь Шерзингер. Они болтали, Роб сказал Моргану, что читал то, что тот говорил о терроризме, и нашел это все очень смелым. Ничего плохого не случилось.

«Интересное дело – у меня как будто гора с плеч, что не надо кого-то ненавидеть», размышляет Роб. «Одним меньше. Удивительно приятное ощущение – мило обращаться с ним».

После этого произошло то, чего Роб вполне мог бы ожидать – об их встрече Морган написал колонку в Mail on Sunday.

Вот так он увидел эту ситуацию:

«У нас с Робби в прошлом было много разного, не всегда приятного. Я был официальным биографом группы Take That, но наши с ним отношения испортились, когда слава и успех вскружили ему голову и он зазнался. Хотя, возможно, это был я...!»

Из-за этого могло бы возникнуть напряжение, но, к счастью, наши жены первыми пообщались, и выяснилось, что в Лондоне они занимаются с одним и тем же инструктором по

пилатесу... а от такого между всеми тает лед»/

Робби протянул мне руку.

«Как дела, приятель?»

«Нормально, приятель. Уж сколько времени...»

«Да уж, давно! Но я сейчас немного успокоился».

«Да и я».

Тут мы оба усмехнулись, а потом долго разговаривали о жизни, о мире и моих авторских колонках. «Я восхищен тем, как ты поднял голову против ИГИЛ и оружия, – сказал он мне, – но не боишься, что тебе самому однажды башку оторвут?»

Я ответил: «Да меня 30 лет убить хотят».

«Верно», – кивнул он. «Ну, если кому-то удастся это сделать, я на твоих похоронах спою свою Angels».

«Спасибо, приятель, это так мило с твоей стороны».

«Это меньшее, что я могу.»

Роб говорит, что почти все там написанное – правда. Однако это Пирс Морган спросил, не споет ли Роб песню Angels на его похоронах, прежде чем Роб сам что-то сумел предложить. Также он отметил, что Пирс не стал ничего писать про «олицетворение всего плохого», хотя, без сомнения, он воспринял это как извинение за совершенно бесчестно приписанные ему грехи остальных. Когда вы – звезда шоу – не обращайтесь на это внимания.

* * *

Когда Роб закончил с гримом, он поделился удивительной новостью. Дней десять назад он впервые вколол ботокс.

«Ботокс и филлеры, – разъясняет он. – Травматичный опыт, как оказалось. Реально больно». По его словам, через восемь дней только все в норму пришло. А до этого на лице оставались места, на которые ботокс не подействовал. «Айда думала, что я постоянно на нее злюсь, но я не злился».

Я спрашиваю его, зачем он это сделал.

«Если долго просидишь в парикмахерской, то все равно подстрижешься, – отвечает он. – А я живу в Лос-Анджелесе и мне 42 года. Да и почему нет? Мне нравится. У меня лоб ровный».

* * *

Для ряда ТВ-роликов, которые сперва будут напускать туман, а потом раскроют, кто будет знаменитым звездным судьей, Роб снимают в комбинезоне, подрезающего ножницами растения – как будто он садовник Шэрон Осборн. У съемочной группы вдруг рождается идея, которая им самим очень нравится – Робу надо облить водой из шланга. Они спрашивают, не думает ли он, что это очень странно.

«Есть немного, – отвечает он, – потому что у меня сиськи намокнут. А я стараюсь изо всех сил быть поп-звездой».

Они с Шэрон сидят и смотрят выступления конкурсантов, поющих перед ними в саду. Каждый участник исполняет свой номер дважды. Ко вторым выступлениям темнеет. В перерыве обсуждают певцов, Майкл замечает, что одна певица несколько раз сфальшивила.

«Но ведь она почти все ноты взяла правильно! – возражает Роб. – Я над этим и работаю. Я если попал в 75 процентов нот, то считаю, что концерт удался».

Немного спустя, когда съемка в саду все еще идет, приезжает Айда с Тедди и Чарли – просто поздороваться, и на мгновение съемочный процесс замирает. Именно тогда Тедди, в присутствии примерно человек пятидесяти, снимающих ТВ-шоу в этом лосанджелесском саду, овладевает всеобщим вниманием, запев “Let It Go”, причем с такой страстью, что все постепенно подхватывают.

«Отлично, малышка моя», – говорит Роб.

* * *

Следующий день Роб проводит у себя дома – с ним снимают интервью. Сначала – в студии, затем на окраине обширной лужайки, за которой виднеется город, Роб рассказывает о каждой песне альбома. Когда работа окончена, он – с детьми за ужином. Они смотрят «Мэри Поппинс» на

YouTube, потом наступает фаза рэп-видео. Роб включает клип Intergalactic группы Beastie Boys.

«Тед, нравится?» – спрашивает он.

«Да», – отвечает она. Потом передумывает: «Мне не нравится, когда он поет».

«Может быть, мне мою песню поставить?» – предлагает он.

«Да», – соглашается она.

«А какую же?»

«“Let It Go” ты пел?» – вопрошает она с надеждой в голосе.

«Не, такой нет у меня», – отвечает он и включает клип Candy. Чарли заморожен, а у Тедди вопросы относительно происходящего на экране.

«Влюбился в нее?» – она тычет пальчиком в одну актрису, игравшую в клипе.

«Нет! – заявляет Роб. – Кроме тети я люблю только одну женщину – нашу маму.»

Тут у него рождается другая мысль:

«А хочешь поглядеть, как много-много людей смотрят на папу?»

«Да.»

Он включает начало концерта в Небворте.

«И все эти люди, – объясняет он, – пришли на папочку посмотреть. Море людей...»

Когда доходит до “Let Me Entertain You”, она вглядывается-

ся пристальнее и спрашивает: «Это ты?»

«Ага.»

Через пару минут он ставит концерт на паузу.

«Ну, Тед, как тебе?»

Она явно очень тщательно обдумывает ответ. Очень многое нужно сказать папе, и подходящий момент, кажется, наступил.

«Теперь, – говорит она, – можно я тебе покажу разноцветные конфеты?»

* * *

В следующие несколько месяцев Роб много раз пересказывает этот эпизод – и на концертах между песнями, и в интервью телевидению, радиостанциям и печатным изданиям. Рассказ, конечно, глубокий, многослойный: тут тщеславие смешано со скромностью, а самоуничижение – с откровенным эгоизмом. Все для того, чтобы рассказать историю, никоим образом не предназначенную для того, чтоб завоевать еще больше любви публики.

К тому же он рассказывает этот эпизод по-разному, меняя детали. Он почти никогда не сказал про «разноцветные конфеты» – это звучит двусмысленно. Тут можно, конечно, сказать, что Тедди несколько карты спутала – плоховато продумала свою реплику, не доработала надлежащим образом сценическую репризу. Так что какое-то время Тедди у Ро-

ба «говорит», например, «а можно мне пирожное?», но в основном предпочитает вариант «Включи Свинку Пеппу!». (И то, и другое Тедди действительно произносила неоднократно – не в этот раз, так в другие.)

Если поймать вот эту разницу в деталях в рассказе Роба, то может показаться, что это все выдумка. Нет, так было на самом деле. Но, как и многое в жизни, в индустрии развлечений реальное событие – просто первый годный набросок правды.

* * *

На балконе отеля в Кейптауне Роб пытается насладиться свежим воздухом. Ему 32 года. По Южной Африке проходит первая часть его турне, которое продлится до конца года, но он уже слегка нервничает.

В этот конкретный момент во дворике отеля постояльцы, которые глазают на него, как на любопытный фрагмент здания или полную луну. Они как будто не осознают, что вообще-то у объекта, на который они пялятся, тоже есть глаза и он их тоже видит.

«Ну посмотрите ж на кого-нибудь другого», – умоляюще шепчет он.

Очень тихо, они не услышат. Скажешь громче – ничего хорошего не выйдет.

Оглядываясь назад, один из мощнейших триумфов, как полагает Роб, явился также и началом развала. 19 ноября 2015 года началась продажа билетов на тур Робби Уильмса Close Encounters. На тот момент – его самый большой и продолжительный тур. Хотя на предыдущих он чуть ли не приближался к провалу, на этот согласился – слишком крупный проект, от такого нельзя отказываться. У успеха есть своя внутренняя логика, и вот это пример того, как развивается успех, если предоставить его самому себе. Когда тебе выпадает шанс зайти дальше, чем прежде, то именно это ты и делаешь.

«Это казалось, – вспоминает он, – совершенно правильным фрагментом мозаики. Следующая ступень, логическое завершение. На тот момент я по-любому был главной поп-звездой планеты, и надо было быть круче, делать больше и так далее. Другого варианта вроде как и не было. Но я так всегда и делал – ловил момент».

В тот самый первый день продаж было куплено 1,6 миллиона билетов – Книга рекордов Гиннеса зафиксировала этот случай как самое большое количество проданных за один день билетов на одного артиста. Но Роба это не вдохновило. Он испугался, смутился.

«В голове не укладывалось, что столько народу придет и

столько денег будет заработано. Я не считал, что достоин такого внимания и таких заработков, – смеется он. – Не то чтоб я захотел все это выбросить, но то, как развивается моя карьера, не очень-то соответствует моей самооценке, которая традиционно низкая. Меня такое чувство охватывало: на это у меня мозгов не хватит, на то у меня сил физических не хватит».

Он попросил друга Джонни Уилкеса поехать с ним в тур – якобы для того, чтобы в середине концерта исполнить две песни дуэтом ну и вообще как-то поприкалываться со сцены. Но для Роба гораздо важнее была поддержка и компания Джонни: «Я его типа похитил, чтоб он меня за ручку водил и принял на свои плечи часть груза всей этой славы». Но уже после того как билеты поступили в продажу, Роб собрал совещание с менеджментом, на котором объявил, что отменяет тур полностью. «Мне правда очень жаль, но я должен выйти из этого дела. Потому что понимаю, что для меня это чересчур».

После чего Роб направился домой к Джонни, чтобы и его уведомить. Джонни открыл дверь и сразу же вывалил свою новость: ему только что предложили годовой контракт в гастрوليрующей постановке *Guys and Dolls*, и он отказался – естественно, ведь у нас с тобой скоро свои приключения!

Вполне возможно, что Роб нашел бы способ себя переубедить – такое уже бывало, он отменял что-то а потом сдавал назад, и такое еще будет – но теперь он использовал такой

ход.

«Мы в тур не собирались», – сказал он Джонни. – Но теперь – едем».

* * *

Он знает, что люди силятся понять, почему он находит столь трудным нечто, что вроде бы ему по природе должно соответствовать, учитывая, кто он такой и кем работает: то есть давать каждый вечер стадионный концерт. Мы все воспитаны на историях людей вроде Майкла Джексона, артистов, которые на сцене чувствуют себя как дома, а вне ее – не в своей тарелке. И Роб в курсе, что такой артист, который, как кажется со стороны, не только чувствует себя комфортно наверху, но жаждет этого – купается во внимании и обожании, управляет ими, застывшими толпами – выглядит хрестоматийным примером.

Он также понимает, что когда людям такое говорят – ибо сам Роб на сцене чувствует не то и не так, как все привыкли думать, особенно если все считают, что своими глазами видели противоположное – то информация эта раздражает в лучшем случае. А в худшем люди ей не верят. *Ему* не верят. Они думают, что это такой извращенный способ привлечь к себе еще больше внимания и раздутое хвастовство, прикинувшееся скромностью.

Так что он попросил бы, если вдруг собираешься пораз-

мыслить на эту тему, то лучше поскорее выбрось ее из головы. Забыть, что твои инстинкты говорят тебе о шоу-бизнесе и индустрии развлечений, и о том, что ты представляешь себе чувства того, кто на сцене.

«Бывает, – отмечает он, – совершенно неестественная обстановка».

Попробуйте просто задуматься об этом, начиная с основ. Подумайте об этом как о группе людей – публика плюс артист – и о том, что они находятся в определенных отношениях в этот конкретный вечер в этой конкретной точке планеты. Представьте себе, что для некой игры после школы всех расставляли по командам, и расставили совсем неправильно.

«Их восемьдесят тысяч, – объясняет он. – И один ты».

* * *

Настоящий тест на выдержку – концерты будут идти много недель, начало в первых числах июня, но и сейчас, в апреле 2006-го, уже запланировано несколько концертов в Южной Африке. Я прилетел, чтобы пообщаться с ним, за два дня перед первым концертом в Дурбане. Он уже находится в этой стране какое-то время – репетирует новую программу и шоу, снимает клип на следующий сингл “Sin, Sin, Sin”. Приехав к нему, я сразу понимаю, что у него в голове нечто странное. В номере отеля он одновременно смотрит, как Лейстер бьет Кристал Пэлас, играет мне новые песни, при этом ему мас-

сируют ноющую паховую область, и он рассказывает мне что когда он узнал, что его летние концерты на Уэмбли отменили из-за каких-то задержек в строительстве, то он не мог сдержать ликования, хотя так реагировать и не следовало бы, он понимает. (Те концерты перенесены в Milton Keynes Bowl, так что какое бы победное чувство он ни испытывал, оно – пустое.)

Когда массажистка ушла, он с какой-то одержимостью зачитывает мне некие фрагменты своего текста. По большей части – страшные истории о его свиданиях – жестокие, безнадёжные, подчас – мстительные. Он говорит мне, что это все – начало некой книги. После того как я уйду, он до глубокой ночи составляет эклектичный плейлист для вечеринки, куда входят композиция “Pacific State (808 State)” и “Dancing With Myself” Билли Айдола. Безо всякой причины этим занимается, только потому, что решил: надо сделать.

* * *

На следующий день у него запланировано посещение детей-сирот – для того, чтобы привлечь внимание к работе ЮНИСЕФ с местными семьями, пострадавшими от СПИДа. Роб сотрудничает с ЮНИСЕФ на постоянной основе, официально он даже является послом доброй воли в Соединённом Королевстве, хотя термин «посол» его и смущает. Но он уже ездил с миссиями от ЮНИСЕФ. Этой организации

его представил Йен Дьюри, с которым он познакомился через гримера Джин Кейн и который сказал, что хочет «передать» пост. В 1998-м они вместе отправились на Шри-Ланку, в 2000-м Роб поехал в Мозамбик, а в 2003-м посетил программы по защите детей в России. Но нынешний визит преследует двойную цель. Недавно они с Джонни Уилкесом мечтали о том, чтобы устроить футбольный матч знаменитостей против легендарных игроков прошлого. Мечта стала реальностью: в следующем месяце состоится такой матч, под названием Soccer Aid («Футбол помогает»), все доходы пойдут в ЮНИСЕФ. Так что сегодня ему нужно снять один из тех роликов, который будут показывать в связи с Soccer Aid – чтобы и просвещать телезрителей о деятельности ЮНИСЕФ, так и призывать делать пожертвования.

Хотя, наверное, это хороший ход в начале тура, но Роб находит все это довольно затруднительным. Во-первых, ЮНИСЕФ наметил брифинг в одном из бизнес-номеров отеля. Роб все время сидит в темных очках, не только потому, что он поздно лег и рано встал – «Я обычно часа на четыре позже встаю», – сразу приносит он извинения, входя в номер – но и еще по одной причине, которую он мне объяснит позднее: «Я боялся, что кто-нибудь в глазах моих прочтет «ох, пожалуйста, заберите меня отсюда». Вот еще почему хочется быть в группе – вы с Эджем все делаете...» Он часто представляет себя членом некоей группы, и даже пытался свою группу собрать, всегда по одной причине: хотя бы какое-то время

поклонники будут бегать не за тобой, а за другим музыкантом. (Оборотная сторона этого та же, что и лицевая: люди обращают на тебя внимание.)

Дети, к которым мы едем сегодня в гости, – из семьи Зонди. Они живут несколько вдалеке от Дурбана, в месте под названием Умбумбулу. Несколько лет назад они потеряли отца, а недавно – и маму тоже. Они бросили школу и стали целыми днями искать еду. Так их заметил сотрудник опеки над детьми из ЮНИСЕФ, стал заходить к ним домой и помогать. Пока мы едем в машине, работники ЮНИСЕФ учат Роба здороваться на языке зулу, говорят *савубона*, он повторяет. Но в основном он сидит тихо; позже скажет мне, что пока мы ехали, он все рисовал в голове секторную диаграмму – насколько процентов эта его деятельность альтруистична, а насколько – эгоистична. «Вот это вот «посмотри на меня...» – сколько процентов, какая доля круга, насколько она крупнее нашей гуманитарной миссии?» Он не может понять. «Да кто, блин, это знает?» – делает вывод. – Я лично знаю вот что – я это делаю вне зависимости от того, что думаю и чувствую, а также невзирая на то, что другие думают или чувствуют. И вот если это понять, то все остальное испаряется просто».

Мы съезжаем с мощеной дороги и теряем из виду наше нежелательное полицейское сопровождение, которое после трудных переговоров все же соглашается дальше нас не сопровождать. Мы петляем по сухим рыжим земляным дорожкам, которые выются вверх-вниз по холмам, на которых раз-

брошены хижины. По прибытии Роб сразу начинает дружески болтать с братьями, спрашивать их про футбол – а это международный язык всех мужчин, общая тема. Спрашивает, сколько им лет. Мбонисени – 18 лет, а Млунгиси – 14. (У них есть две сестры, Балунгиле и Кхетиве, девяти и шести лет.)

«А мне вот 32, и это много, очень много, – рассказывает он им. – Я певец из Англии».

Так они болтают некоторое время, пока их не перебивают люди из ЮНИСЕФ – у нас тут важное дело, ради которого, разумеется, Роб и приехал. Они просят детей рассказать, как и когда умерли родители и что после этого происходило. Это, без сомнения, необходимо, но и создает напряженную обстановку. Возможно, Роб и его окружение привыкли к недостатку такта и неуместным вопросам, присущим индустрии развлечений, но сложно было представить, что в мире благотворительности и гуманитарной помощи происходит то же самое. Но вот иногда противоречия себя проявляют слишком уж ярко и откровенно. И уже несколько минут спустя Роб снимают на могилах родителей – несколько минут ходьбы, простые могилки, ничем не украшенные. На камеру Роб рассказывает о беде семьи Зонди и о том, как ЮНИСЕФ помог сиротам. К этому моменту вокруг нас уже собралась внушительная толпа, по большей части состоящая из местных детей, с которыми Роб поиграл в футбол и которых эти неожиданные гастролы обрадовали невероятно. Но их прекрасное

настроение – это совсем не то, что сейчас требуется.

«Ребят, извиняюсь, – говорит оператор, – но у меня смех ваш пишется».

Роба передернуло: «Да уж, вы, пожалуйста, горюйте».

Вернувшись в дом, Роб присаживается с четырьмя детьми. Млунгиси водит пальцем по татуировкам Робби – они его явно привлекают. Его палец останавливается на одном портрете.

«Это мой дедушка», – объясняет Робби.

«Любишь его?»

«А как же. Очень!»

Он показывает на картинку на левом плече: «А это вот из Новой Зеландии, тут молитва маори написана, она меня и семью мою защищает». Он рассказывает Млунгиси про другие – стаффордский узел на тыльной стороне правой руки («мой родной город»), чуть ниже левого уха буква «**B**» («в честь бабушки моей, Бетти»). Потом на предплечье, крупными заглавными буквами: «Мама моя татуировки ненавидит, а тут написано “мама, я люблю тебя”, – и эту она не ненавидит». Потом он заворачивает рукав футболки, чтобы еще одну показать. «Лев!» – восклицает Млунгиси, хватая его за правую руку.

Дети интересуются, заплатил ли он деньги за эти татуировки.

«Да, – отвечает он. – И довольно дорого, но ведь они на всю жизнь. Трудно объяснить, но мне они как латы. Защита

моя». Он снова показывает пальцем на татушки: «Моя религия, моя семья, мой город, мама моя... это все меня защищает».

Они прощаются (ненадолго – дети приглашены на вечерний концерт), Роб говорит Мбонисени, что ему нравится, как тот носит кепку – под лихим углом. И тут же беспокоится: правильно ли его поймут?

«Как будет “лихой” на зулусском языке?» – интересуется он.

* * *

Перед первым концертом тура он снова встречается с детьми из семьи Зонди и показывает им закулисье.

Он старается сказать что-то о концерте. «Мне очень страшно! Честно, богом клянусь! Я же такой маленький, а их там так много!»

Он старается произносить это смешно и мило, и я уверен – они ни на секунду не думают, что он это все всерьез. Потом они идут поесть – их встречает целый специальный шоколадный фонтан – и Роб уходит в гримерку группы. Там он пытается поговорить о том, какие песни стоит выкинуть из сет-листа. «Суть в том, что наш тур продлится пять месяцев, – говорит он. – И вот этот сет-лист – он для меня слишком большой». Еще один довод приводится: надо было сразу больше песен ставить, ведь понятно, что он начнет что-то

выкидывать. Тут кто-то в толпе говорит кому-то в мобильный: «Сейчас я слышу, как Роб сокращает сет-лист до двух песен – первой и последней».

Концерт проходит без сучка и задоринки. В отеле все собираются вместе. Если кто-то думает, что после концерта тура музыканты и команда собираются, чтоб обсудить насущные вопросы или что-то важное, связанное с туром, то он, скорее всего, никогда не ездил ни в какие турне вообще. Вот сегодня вечером, например, обсуждается, чипсы с каким вкусом съел бы Джеймс Бонд. Вердикт Роба: со вкусом копченого бекона – от этого он переходит к тому, что обожает шоколад и жить без него не может. (Когда кто-то не понимает, Роб произносит по буквам. «Я бы эти занавески съел, если б они были шоколадные. Я бы даже колено свое съел, будь оно из шоколада».) Затем, вскоре после дебатов о чипсах и шоколаде, начинается долгий разговор о ТВ-программах прошлого года, от чего переходят к хоровому пению тем из *Top Cat*, *Hong Kong Phooey* и «Флинстонов», а потом Роб выдает свою сольную версию мелодии из *Sons and Daughters*. («Это-то, блин, откуда?» – закономерно удивляется он.) Упоминается *The A-Team*, и Роб тут же говорит, что это «первое, что я записал на видеомаягнитофон». Потом он вспоминает особенно тревожную серию «Непридуманных историй», где за кем-то следил кто-то, кого невозможно было увидеть.

«Мне это так мозг вынесло, – признается он, – что я до

сих пор в шкафы заглядываю...»

Тур начался.

* * *

Возможно, все было бы прекрасно. В Южной Африке временами тот дискомфорт, который он демонстрировал, казался какой-то детской болезнью. После первого же концерта он сказал мне: «По крайней мере я, когда ухожу со сцены, не думаю “не хочу это делать следующие пять месяцев”».

Но и это может быть отчасти блефом, даже для себя самого, потому что после того как все вышло из-под контроля, он скажет, что в глубине души еще перед началом тура чувствовал, что так и случится.

«Придумали такую вот масштабную операцию, от которой никак не откажешься, – говорит он. – А у меня просто на такое уже духу нет. Я как на “Титанике”: не знаю, когда корабль утонет, но вода уже просачивается».

* * *

Январь 2016 года

В канун Нового года семья Уильямс со своими десятью собаками переехала в новый дом в Лос-Анджелесе. Дом такой большой, что даже сам Роб несколько ошарашен. «Фаза

“отвалилась челюсть” уже вроде как прошла», – пару дней спустя после переезда признается он мне. Я приехал в гости, Тедди носится вокруг в своем рождественском подарке – платье принцессы.

Может быть, из-за того, что у Роба в настройках по умолчанию волнение, или потому, что нужно себя чем-то мотивировать, он заявляет, что здесь немного нервно.

«Схожу по лестнице этого гигантского дома, – объясняет он, – а там два охранника, четыре уборщика, няня, шеф-повар... это только в этом доме. А у меня еще два есть. Когда я в туре – все в порядке, но когда в концертах перерыв – я становлюсь беспокойным. Что тоже меня держит в рамках трезвости, спортзала, делает меня сосредоточенным».

На ближайшие десять дней план такой: писать песни с Гаем Чемберсом, его соавтором, с которым написано большинство песен первых пяти альбомов Робби Уильямса и с которым он воссоединился несколько лет назад после долгого разрыва. Гай приедет завтра. Предполагается, что работа с ним будет последним броском, попыткой сочинить еще более классные песни, чем те, которые уже написаны для альбома, выход которого запланирован на осень.

«Надеюсь только, что он приедет с хорошим материалом», – говорит Роб – вроде игриво, а вроде как бы и нет.

Приоритеты, однако. Он спускается в подвал, где звукоинженер Ричард Флэк устраивает студию. В разговоре с Робом Ричард предлагает обдумать покупку особо дорогих ди-

намиков. Роб возражает: «Я только что теннисную пушку купил». И добавляет, как будто это что-то объясняет: «Она 350 мячиков выстреливает».

Ричард, не привыкший бурно выражать эмоции, слегка приподнимает бровь.

«Не одновременно», – проясняет Роб.

* * *

В новом году начинаются новые серии «Большого Брата. Селебрити». Когда в интервью Роб терпеливо объясняет, что по телевизору он смотрит в основном только реалити-шоу, люди, как мне кажется, принимают это за попытку шутить или показаться глупее, чем он есть на самом деле. Это все не так. Роб действительно иногда смотрит по телевизору художественный или документальный фильм, иногда даже сериал, но в основном он действительно смотрит реалити-шоу.

«Большой Брат. Селебрити» – одна из излюбленных программ Айды. Когда идет сезон шоу, они с Робом перед сном в спальне смотрят очередную трансляцию. Обычно если кто-то гостит в доме – то его тоже приглашают. Хозяйева обычно сидят на постели, гость приносит стул откуда-нибудь и садится напротив проекционного экрана.

Этот сезон, объясняет Айда, уже предоставил семье Уильямс пищу для разговоров.

«Мы с Робом шутим, – говорит она, – что как только ни

включим телевизор – и я вас не разыгрываю – показывают кого-нибудь, с кем он спал. Хотя в рекламе средств против ВИЧ, хоть в криминальной программе, хоть в каком-нибудь шоу из 90-х – кого-нибудь покажут, с кем Роб спал. Так что мы включаем «Большого Брата. Селебрити...».

Сначала кажется, что тема примет немного другой оборот, при котором Роб будет замешан только косвенным образом. Один из участников, Даррен Дэй, рассказывает о своей репутации конченого ходока налево и упоминает актрису Анну Фрил.

«А я что говорю, – продолжает Айда. – Господи, ты ж, получается, типа спал с Дарреном Дэем, потому что сам спал с Анной Фрил...»

После ее слов Роб с минуту молчит, как будто обдумывая, надо ли, или, точнее, как все это объяснить. Поскольку чудесное правило «каждый раз, когда мы включаем телевизор» невероятным образом сработало и на этот раз, Айда смотрела не в ту часть экрана. Лучше просто сказать.

«Детка, – говорит он. – Даниэлла Уэстбрук».

* * *

На следующее утро Тедди впервые отправляется в школу. Роб встает, чтобы отвести ее, в 7.45. За завтраком он рассказывает ей правило пяти секунд для упавшей еды. Затем туманно рассуждает, может ли семейство Кардашьян быть

знаком надвигающегося Апокалипсиса. На этот счет он серьезен. «Но, – оговаривается он, признавая, что во всем есть как хорошее, так и плохое, – я никак это ускорить не смогу».

Тут он подзывает Айду – «ну, мамочка, поехали» – и ведет к машине Тедди, у которой в руке недоеденный бублик с ореховым маслом.

Примерно в обеденное время приезжает Гай. Роб ведет его на длительную прогулку к самым задворкам сада, откуда открывается вид на раскинувшийся внизу Лос-Анджелес и, дальше, океан. В этом конце сада, самом отдаленном, растет мандариновое дерево, и прогулка до него с целью сорвать мандарин стала своего рода ритуалом. Роб приглашает людей на прогулку за мандарином тогда, когда надо поговорить.

Гай рассказывает, как отпраздновал Новый год в Babington House, загородном доме частного закрытого клуба империи Soho House, где собралась особо элитарная публика – знаменитости, хорошо знакомые между собой. В какой-то момент все стали петь, а Гай аккомпанировал им за пианино. «Адель захотела спеть Angels, – рассказывает он. – И спела». Но потом, по его словам, случилась неудобная заминка – все поняли, что Гай почти не знает ее песен. Он постарался увести в сторону: «И говорю: а давайте-ка “Мамма mia”!»

В студии Роб рассказывает Гаю о своей диете – без муки и сахара. Он сел на нее после того, как Хью Джекман пришел на его последний концерт в Мельбурне и кому-то рассказал о ней. (При объяснении принципа диеты употребляется фраза

«диетолог моего друга Росомахи».)

Хотя не получается строго придерживаться правил.

«Соблазнился тортом», – признается он Гаю.

«В Рождество?» – Гай произносит это таким тоном – ну что ж, ничего особенного, по праздникам бывает, не страшно.

«Да, конечно, – говорит Роб. – Но, получается, дверь пока не закрылась, а я-то надеялся, что все уже. Полтора года прошло. А теперь я слегка напуган».

«А что за торт?» – спрашивает Гай.

«Все торты».

«И сколько съел?»

«На Рождество много тортов», – отвечает Роб и перечисляет: «Рождественские... красный бархатный... “Торт-мороженое”... моей дочери, который она еще не ела – а я примерно четверть слопал на днях».

Я на самом деле сегодня утром слышал, как Тедди допрашивает его на этот счет – скорее удивленная, чем расстроенная.

«Я только маленький кусочек съел, – объяснял он. – Маленький, но часто».

* * *

Гай говорит, что у него 12 идей, подразумевая под этим музыкальные фрагменты, которые он уже записал, пусть и в

совсем рудиментарной форме, в своей лондонской студии. Он предлагает за один день разбирать четыре.

«А если тебе вообще ни одна не понравится, начнем заново сочинять, с чистого листа», – говорит он.

Они начинают сочинять, при этом довольно сложно понять, насколько вообще Роб глубоко в процессе – он, даже если очень увлечен, все равно делает несколько дел. Вот прямо сейчас он, придумывая слова песни, смотрит на YouTube Элтона Джона, поющего “Pinball Wizard” – хоть и с выключенным звуком. Пару минут спустя он показывает Гаю фотографию Элтона Джона в гигантских ботинках, в которых вроде как спрятаны ходули.

«Можешь себе представить, что концерт начинается с такого? – спрашивает он. – Охрененно круто бы смотрелось».

* * *

«Ты еще ходишь на долгие прогулки?» – спрашивает Гай. Раньше, когда они в Лос-Анджелесе сочиняли вместе, они частенько прерывались на прогулку. А в этот раз Роб ничего такого не предложил. Как оказалось – есть причина.

«Меня один папарацци дико взбесил, сука, – объясняет Роб. – Уж как я старался его из машины выманить! Мы ходили гулять каждый день в место под названием Три-Пипл. Я возвращался, мы клали нашу малышку в машину, и в тот день я увидел «Фольксваген», у которого окно опущено вот

на столько». Он понял, что это папарацци, который снимает его, Айду и, что главное – Тедди. И был прав. «Я пошел к ним с телефоном, чтобы снимать, как они нас снимают, но когда дошел, момент был упущен. Я хотел его спровоцировать, чтоб он первым меня ударил, в общем, я стал на него наезжать по-всякому. Он из Ливерпуля, ну я его и обозвал мудило ливерпульское».

А он что?

«Полегче с Ливерпулем».

Тут все и началось. После некоторых препирательств тот мужик обозвал Роба: «ты – мировая сиська» (игра слов на созвучии worldwide hit и worldwide tit. – *Прим. пер.*). (Сейчас Роб находит шутку забавной, но тогда ему не до того было.)

«И я такой – семьдесят миллионов альбомов, мудила! Мне только это в голову пришло. Но я был в ярости. Такой злой, что сказал про Ливерпуль – а я б такого не сказал никогда вообще, ни-ког-да, это само выскочило, прежде чем я понял, что говорю. Понимаю, как все произошло. Я его стал снимать, но никак не мог включить телефон, а когда разговор закончился, он захотел, чтоб я стер запись, потому что я называл его педофилом – он же детей фотографировал».

Айда, которая спустилась в студию, делится своими наблюдениями. «Плохо прошла эта драка. Ты себя принизил, – говорит она Робу, а затем обращается к нам. – Роб показал себя не с лучшей стороны».

Из этого случая он вынес то, что в подобных ситуациях он

не очень-то хорошо справляется с яростью. «Когда достают объектив и начинают снимать твоего сына или дочь, а ты не можешь их защитить – тут инстинкт срабатывает. Убить хочешь. Так и говоришь. А потом только понимаешь, что ты такого бы никогда не сделал, да и не сказал бы при детях. В машине уже я понял, что никогда вообще так больше себя вести не буду».

Это был длинный ответ на вопрос Гая.

Короткая версия: «С тех пор я не ходил на прогулки».

* * *

Из-за разницы во времени между Лондоном и Лос-Анджелесом, что бы интересное ни появлялось на «Большом Брате. Селебрити» – интересное с точки зрения британских таблоидов – Роб предпочитает читать о них в интернете, заранее, до того как они с Айдой посмотрят соответствующий выпуск. Сегодня, читая интернет в студии, Роб обнаруживает, что газеты получили подобную новость. С ним сюжет. В самом последнем выпуске Даррен Дэй говорит на камеру Даниэлле Уэстбрук, что Роб однажды звонил им с Анной Фрил домой в Челси и предложил Анне Фрил встретиться.

«А я об этом и не знал, – признается Роб. – У меня сейчас смутные воспоминания, но я не знал, что она тогда все еще встречалась с Дарреном Даем».

В тот вечер мы смотрели шоу в спальне впятером. С экра-

на Даррен Дэй говорит, что он взял трубку, а Роб прикинулся неким «Дереком из Go! Discs». (Go! Discs был независимым звукозаписывающим лейблом, успешным в 90-е.) Роб тут же осознает, что Дэй говорит правду. Он вспомнил все.

«Да, мужик взял трубку, а я запаниковал и говорю, это Дерек из Go! Discs, – говорит он. – Наверное, я звонил, стоя рядом со стопкой дисков».

Когда Даррен Дэй в доме «Большого Брата» заканчивает свой рассказ, Даниэлла Уэстбрук реагирует так: «О, да он мужик с яйцами!»

«И она об этом знала бы», бормочет Роб.

* * *

Однажды днем Гай заговаривает об одном музыканте, второразрядной звезде 70-х, сейчас почти забытом, который переживает трудные времена.

«Он очень грустный, мужик этот», – говорит Гай.

«Грустный?» – переспрашивает Роб.

«Ага. – Гай продолжает. – У него был колоссальный срыв. В свое время его жутко напрягало быть поп-звездой. А вокруг него – как битломания прям, он годами из номера отеля выйти не мог. Так что он рехнулся и получил срыв. Сейчас на него посмотришь – на лице написано, что что-то ужасное мужик пережил».

«Так я из номера не выхожу!» – возмущается Роб.

«Ну, ты-то не грустен, – говорит Гай, а потом, тоном человека, не очень уверенного в этом странном положении, немного отыгрывает. – Ну, у тебя-то вид не грустный...» И снова прерывает себя. Остается третья попытка. «Ты не выглядишь так, как будто *разрушен* тем, кто ты есть».

«Не выгляжу, – говорит Роб. – Но это ракурс и освещение».

* * *

Роб говорит Гаю, что надо прерваться на минутку ради деловой встречи. «Иду грабить банк, – сообщает он. – Банк под названием шоу-бизнес».

Встреча проходит у бассейна. Приехали Дэвид Энтховен – он с Тимом Кларком и их компанией IE занимаются менеджментом Роба с 1996 года – и Майкл. Роб разъясняет им идею биографического моноспектакля-концерта – с этой мыслью он проснулся сегодня. «Рассказать о моей жизни, будучи совершенно честным... мои слабости, чего и кого я ненавижу и почему, к чему привели меня мои поступки, – говорит он. – Может быть *не жалуйся, не объясняй*». Объяснив, что это и повествование и развлечение, он признает, что есть еще одна причина, почему он придумал шоу такого формата. «Я просто подумал о моей спине больной – столько же сил на концерт нужно... – сказал он и тут же замолк. – Ну вот я же как – отработал концерт – в постель, и так все время: концерт –

постель, поехал на концерт, сделал растяжку, отработал концерт, вернулся, поглядел в YouTube, заснул, а там и следующий концерт. Так что мне просто интересно стало: а есть ли вообще какой-то умный способ сделать развлекательное шоу, другой формат?»

Они внимательно слушают и подробно обсуждают идею. Роб подкидывает еще детали, а потом говорит: «Там будет пафос и моменты всякого дерьма, которые, блин, случались: ты так боялся, что спал со стартовым пистолетом и баллончиком слезоточивого газа... но я это все в прикол могу обратить». И насчет аудитории: «Они приходят в театр и сидят тихо. Не скажут. Слушают». И вишенкой на торте: «И если это будет достаточно хорошо, если идея сработает, то в конце концов другие смогут меня играть».

Он оглядывает стол, ища поддержки своей идеи. Потом добавляет: «Или не смогут».

* * *

За следующие несколько дней написаны еще песни. Некоторые кажутся хорошими, но Роб как обычно волнуется: есть у них та самая песня или нет. Крис Бриггс, человек, который работает с ним как сотрудник отдела артистов и репертуара (A&R) звукозаписывающей компании, присутствует на большинстве сессий – сидит на диване и якобы равнодушно замечает, что Адель до того, как нашла свою “Hello”, напи-

сал сто песен. Роб не верит.

Чуть погодя он поднимает глаза от своего компьютера, на котором только что прочитал важную и полезную информацию, и сообщает: «Адель написала 34 песни».

«А ты где эту информацию нашел?» – спрашивает Гай, подразумевая, что Роб, скорее всего, прочесывал интервью Адель в интернете. Но есть способы попроще.

«Да просто спросил ее», – отвечает Роб.

* * *

Июнь – август 2006 года

Внешне тур Close Encounters проходил довольно хорошо. Полные стадионы, а в рецензиях писали, что он никого не раздражает, из тех кто еще не был раздражен, и что он проявлялся все лучше и лучше. «Надо было делать свою работу перед кучей народу, – говорит он. – И это типа дошло до такой точки, где если б я все бросил, все бы обанкротились. Но в конце концов это был мой выбор – собрать себя и отработать». Иногда обнаруживаешь себя настолько далеко от дома, что нет выбора, кроме как идти дальше по выбранному направлению. За сценой было совершенно ясно, что все это дается ему с трудом. Первая в туре инъекция-стероидов-взадницу произошла в Берлине. По мере того как тур шел, их становилось все больше и больше, поскольку для работы на сцене ему требовалась энергия извне. Оказавшись перед

публикой, он стал использовать другую подзарядку. «Невероятно, сколько раз я заходил на барабанный подиум и принимал тройной эспрессо», – говорит он.

* * *

Как он чувствовал себя по мере продвижения тура?

«Приближалась Британия, и по какой-то причине именно в этом конкретном туре мысль, что UK на горизонте страшно меня пугала. Я бы сказал, что до определенной степени остаток тура был успешным. Не в плане внутренних ощущений – на тот момент моя работа делала меня несчастным. Дело в противоположной реакции на ту жизнь, которую я как тот персонаж надеялся получить. Она оказалась изолированной и одинокой, а ответственность перед стадионами публики – огромной. Как я уже говорил, для такой задачи у меня самооценка слабовата. Или просто низкая самооценка не давала верить в себя».

Но ведь не было же такого, чтоб ты выступаешь по всему миру, а люди такие: «Господи, да он все растерял, он говно». Внешне успех же был колоссальным. От этого лучше или хуже?

«Это сбивало с толку. Мне кажется, я переживал срыв, и вне зависимости от того, что я в тот момент делал, мне бы одинаково сложно было бы быть кем угодно».

А в Британии что было?

«У меня внутри все замерзло. Мне всю карьеру вроде как легче было быть поп-звездой в стране, где не понимаешь, что о тебе говорят. Я же не читаю на немецком, например. Вот в Англии я просто заморозился и чувствовал, что физически не могу делать работу, за которую мне платят такие симпатичные деньги».

И что это значило?

«Это значило, что я был в ужасе. Это уже не страх сцены, это уже новый космос полнейшего ужаса. Когда тебе надо идти и делать то, что ты захочешь делать в последнюю очередь – это усиливает чувство одиночества неимоверно. Это как если тебя скажут выпрыгнуть из самолета, а ты никогда таких прыжков не совершал, а тут еще тебе парашют не выдали и уже в воздухе надо кого-то найти, кто приземляется с парашютом, и за него зацепиться. В реальности ты прыгаешь, а никого с парашютом и нет».

Но каждый вечер ты же выходил на сцену?

«Ну должен же был. Конечно, были моменты из серии “никуда я не пойду”, но меня уговаривали, умоляли, дескать, вот сколько это будет стоить. В Лидсе в первый вечер был момент, когда я посмотрел на задние ряды этой толпы, а потом на пол под ногами. А там все в таком гофрированном железе в заклепках – его кладут на землю, чтоб транспортные средства всякие могли проехать и не развести грязь. И я подумал: «Все здесь, начиная вот от этой заклепки ничтожной и до человека в последнем ряду – все ради меня собра-

лись. И я уже был не в себе, а это все мое состояние еще больше осложнило. По окончании я полетел на вертолете в Манчестер, и все время трясся, никак не мог унять дрожь. Следующий вечер снимали в прямом эфире. А я в отеле такой начал: да плевать, во что это обойдется, не могу и все. И помню, Макс Бизли мне рассказал, какая у него была паническая атака, когда он барабанил у Джорджа Майкла на первой премии MTV: «Братишка, я на сцене думал: а что если я сейчас остановлюсь. Все ведь тут зависит от моей способности играть». В то время я подумал, вот ведь чушь. А потом со мною случилось ровно то же самое. Ну вот правда, а если я перестану петь? Что если я просто всем скажу, что со мной, и уйду со сцены?»

Но не ушел же?

«Не ушел. Но в вечер, когда шла телевизионная трансляция, я силком себя тащил на сцену. Ноги подгибались, почти не мог идти. У меня было чувство, что я иду навстречу смерти. Наконец я на сцене и – бдыщ! – концерт случился!»

Вы же понимаете, как оно бывает: очень многие, кто прочтет это, подумают: я был на этом концерте, или я смотрел концерт по телевидению, и ты был прекрасен, так что чего ты так паришься? Вот как вы им объясните, в чем дело?

«Никак. Не сумею объяснить».

Но вы понимаете, что это то, чего они понять не могут?

«Ага. Целиком и полностью. Единственное, что я могу сказать, что мой срыв был совершенно реальным, как и бо-

язнь сцены последней степени и паника и ужас. Это все такие сильные чувства были, что менее всего мне хотелось выходить на сцену. И что бы ни происходило после того, как опускался люк и я проходил в центр – страх был со мной. Я думаю, я просто направил этот страх. Я имею в виду, что никто не осознает: чем более наглым и надменным я выгляжу на сцене, тем сильнее мой страх. Я смотрю свои старые съемки: иду на сцену, весь в черном костюме, худой, в темных очках, иду как будто десять мужиков и твердый как скала. Но я-то помню, что тогда я знал, что меня снимают, и думал: «если б они только знали, что сейчас происходит...» И я понимал, что когда я буду просматривать съемку, я сразу точно вспомню, что чувствовал – что по пути на сцену притворялся уверенным, а сам был испуган. И это было несколько туров назад».

Когда вы поняли, что вам все это доставляет неприятности, придумали план, что делать?

«Нет, потому что я просто несся по спирали. Никакого “разберись с этим”. Никакого “что случится?”, “что делать будешь?” и “что все это значит?”. Я думаю, что просто несся к смерти, и с каждым месяцем это становилось все более ясным. Это я сейчас говорю, оглядываясь назад, потому что в июне я не понимаю, что это происходит, я просто в разгаре чего-то, что по ощущениям сильно обескураживает».

Думали ли вы, «о черт, я тут все просрал, все ужасно»? Или думалось: «да и насрать»?

«Наверное, я хотел вообще онеметь, потому что очень испугался того, что со мною происходит. Может, единственное воздействие этой штуки на меня в том, что я действительно онемел».

Думали ли вы: не дождусь, пока тур этот закончится?

«Ну, мне-то казалось, что он никогда не закончится».

* * *

После финального концерта в Британии он наконец получил передышку. Полетел обратно в Лос-Анджелес. На следующий день я получил e-мэйл с добавлением: «Господи боже мой... мы были так близки (я лично близок) к тому, чтобы все просрать... на волосок... я в говне... но дома... бьюсь об стены со скуки, обеспокоен реконструкцией моего и без того хрупкого душевного покоя... как пела Дэз'Ри: "жизнь, ах жизнь, трам-пам-пам"».

* * *

Январь 2016 года

За завтраком я сообщаю Робу новость, которая пришла ночью: умер Дэвид Боуи.

«Вот это очень хреново, – реагирует он. – Очень печально».

И сейчас он ничего больше об этом не говорит. Просто сейчас еще утро, и трудно понять, что вообще сказать стоит, и потому что Тедди решила устроить потасовку: у Чарли в чашке хлопья лучше, чем у нее.

* * *

Руфус Уэйнрайт в городе, и сегодня он приедет, чтобы посочинять. Готовясь к его приезду, Гай работает над треком, который построил на довольно смутном сэмпле из Сержа Генсбура – где-то он его откопал, инструментал под названием “Je n’avais qu’un seul mot a lui dire” из фильма 1967 года «Анна».

«Вот и счастливейший день, – говорит Руфус, когда они входят. – Депрессивно».

«Да, – соглашается Роб. – Ужасно грустно».

После того как все немного настроились, Гай говорит: «Ну, у нас вот такая идея... – и смотрит на Роба. – Объяснить ему концепцию?»

«Ага», – говорит Роб.

Тишина на пару секунд.

«Хочешь, чтоб я ему сказал?» – спрашивает Гай.

«Ага», – отвечает Роб.

Гай пускается в объяснения. «Роб по традиции начинает концерт с песни Let Me Entertain You, и хотел бы уже в идеале начинать с чего-то другого. Собственно, Let Me Entertain

Вы мы и писали специально как открывашку, но с тех пор много лет прошло уже, и было бы очень круто, когда в следующем году начнется стадионный тур...»

«Ее вообще трудно куда-то еще поставить, кроме как в начало, – Роб перебивает и уводит тему в сторону. – Потому что если спеть «Я вас развлеку» пятым или шестым номером, или вообще в финале – то какой смысл, уже ведь развлек».

«Но, – объясняет Гай, – мы думаем, что можно ставить ее второй, *если* появится песня, которая заанонсирует все шоу. То есть нам нужна такая песня-анонс: Это – *Шоу мощного развлечения*. Так альбом будет называться. То есть круто было б, если б на альбоме была песня с таким названием».

«Ну, эта мысль нам в голову пришла десять минут назад, – сообщает Роб. – Но было б правда охрененно круто».

* * *

Гай дает Руфусу послушать то, что уже есть.

«Невозможно не думать о Дэвиде Боуи», – сказал Руфус и запел:

Прощай, Зигги Стардаст.
Солнце опускается на нас.

«Не знаю, – он обдумывает заново. – Не захочешь на этом слишком заморачиваться».

Руфус и Роб импровизируют на первую мелодию, и рождается черновой набросок текста, и тут Гай замечает, что у него-то тоже есть и мелодия и идея, о чем текст. Есть у него нормальные стихи или нет, но он напевает «рыбу»:

Welcome to the heavy entertainment show

Where the nehnehneh and the nehnehno.

Это более прямолинейно и ритмично, и убирает предыдущую версию. И тут они все воспаряют. Идеи рождаются бесперебойно, и вскоре песня “The Heavy Entertainment Show” – которая несколько месяцев спустя действительно станет заглавной на альбоме Роба – обретает форму. Когда такие коллаборации не срабатывают, то нет ничего страннее, но когда все складывается, то просто чудо происходит. И, как мне кажется, для Роба серьезная часть ценности подобного сотрудничества – когда оно случается и дает результат – не в том, что он от них получает, а в том, что они заставляют его сфокусироваться и, копнув глубже в себе, найти в себе лучшее.

* * *

В середине процесса в студию приводят Тедди и Чарли со всеми поздороваться. Тедди тут же заявляет, что у нее есть очень твердое мнение насчет того, чему тут стоит происходить, а чему – нет.

«Не пой!» приказывает она отцу. Он возражает: «Это же моя работа!» И знакомит ее с Руфусом. «Папочка...», – на-

стаивает Тедди.

«Да, милая».

«Ну я *не хочу*, чтоб ты пел, – говорит она. – Петь – нет!»

«Нет, петь я буду, объясняет он. – Я в студии, я тут *работаю*. Я буду петь то, что мы уже подготовили. Я репетирую».

«Нет, ну пожалуйста, – решительно заявляет она, – не репетируй».

«Ну если не буду – как же я буду хорошо петь?» – удивляется Роб.

Трек начинается снова и Роб все-таки запекает – последний куплет, который и до завтра не доживет:

Welcome to the heavy entertainment show

Come and brave the wave of my overflow

Welcome to the heavy entertainment show

It's fun above but more below

После того как он закончил петь, Тедди подходит к нему и обнимает.

«Я так тобой горжусь», – говорит она.

* * *

Под вечер у Руфуса рождаются какие-то очень странные слова, которые станут первой строчкой песни:

Добрый вечер вам, дети культурной пустыни

Эта строчка порождает три следующие, которые не только задают хвастливый тон песни, но также явно навеяны сего-

дняшной печальной новостью:

*Ты искал спасителя, и вот я,
А лучшие всегда уходят первыми.
Но я здесь, и радуйтесь, пока можно.*

«Думаю, это великолепно, – говорит Гай. – Очень трогательно».

«И эгоистично», – говорит Роб. Он как будто быстренько составляет список добродетелей. «И нарциссично».

Руфус здесь всего на один день, так что на этом вклад его заканчивается. Песня не доделана, в последующие дни к ней многое добавится и кое-что изменится, но есть главная идея, сердцевина, и получилось кое-что, что явно сработает. По завершении сессии в воздухе чувствуется удовлетворение. А день еще не окончен.

* * *

У Гая день рождения завтра, но он дает праздничный ужин сегодня, в доме, который они с братом Диланом снимают на Голливудских холмах, неподалеку. Там собирается примерно дюжина людей. После того, как угощение съедено раздаётся стук по рюмке – призыв к тишине. Гай спрашивает, не могли бы его гости помузицировать. Он явно намекает на Роба с Руфусом. Роб от этой мысли приходит в заметный ужас. Когда Руфус сел за пианино, а Гай сказал: «Мой хоро-

ший приятель Руфус хотел бы спеть песню, которую сам написал», Роб объясняет всем за столом это так: «Гай заставляет его петь песню».

Руфус говорит, что споет песню, которую написал с пятилетней дочерью: «Это вообще первое соавторство Уэй-нрайт/Коэн».

«Давай как можно лучше!» – кричит Гай.

«Для этого вечера – мило, – говорит Руфус. – Называется “Не следую правилам”. Она придумала».

Песня действительно классная и, исполняя, он не сдерживает себя. Пока Руфус поет, Роб понимает вот что. Во-первых, и ему, конечно, спеть придется. Во-вторых, хочется сделать это хорошо, так что как только Руфус закончил, Роб предлагает Гаю вместе исполнить *Blasphemy*.

Идея Гая явно смутила, поскольку в истории их отношений с Робом песня эта занимает особое место. Ее сочинили и сделали демозапись в одной голливудской студии в конце 2002 года, и оказалось, что это – последняя их совместная песня перед тем, как раздружиться. С того дня в студии они ее не исполняли никогда, даже дома. И хотя Гаю точно очень хочется ее исполнить, он уже плохо помнит, как она играется. Так что в данном вечернем развлечении возникает маленькая пауза, пока Гай слушает запись и освежает песню в памяти. Наконец оба готовы.

«Это немного сложная для меня песня, – говорит аудитории Гай, сев за пианино. – Она стала последней, которую мы

с Робом написали вместе».

«Мы разругались», – напоминает Роб всем. Возможно, излишне.

«Странновато, что мы сейчас исполним именно эту песню, – добавляет Гай, – Но, але, она отличная».

И они начинают. Почти ночью, уже вернувшись домой, в лифте на второй этаж, где спальни – у нового дома Роба, как и у предыдущего, есть лифт, и, поскольку и там и там лифт остался от прежних хозяев, а не встроен по капризу поп-звезды-не-езды-в-лифтах, он ими почти не пользуется – самое последнее что Роб скажет мне перед сном: «Я настолько искренне восхищаюсь Руфусом и его талантом, что решил: мне бы лучше спеть отлично». Так и сделал. “Blasphemy”, сложная и мрачная сага о расстроившихся отношениях – это точно та песня, которая много значит для него. Он часто говорит, и частенько это подтверждается, что забыл слова какой-нибудь самой знаменитой своей песни (на сцене для этого всегда телесуфлер), но Blasphemy очень длинная, а он помнит каждую строчку. И, возможно, вдохновленный и уважением к Руфусу, и духом соперничества с ним же, такой вот комбинацией, он поет эту песню мощно и прекрасно, дальше происходит то, что и должно бы по логике, безо всякой подготовки. «Я считаю, что стоит спеть песню Дэвида Боуи», – говорит Руфус, и из-за стола доносится согласный хор. «Но я их плоховато знаю», – добавляет он.

Гай, все еще сидящий за пианино, начинает наигры-

вать “Changes”, но Роб его останавливает – он лучше споет “Kooks”.

«Знаешь “Kooks”?» – спрашивает он Гая.

Гай знает ее, начинает играть, и совершенно естественным образом, безо всяких обсуждений, Роб и Руфус поют дуэт. В этой сцене есть нечто неуловимо трогательное – они просто сидят за ужином и поют совершенно спокойно, без суматохи, но с очень большим значением. Получились очень теплые поминки. А звучит просто изумительно. Можно гордиться, что при этом присутствовал.

«Дэвид Боуи... Дэвид Боуи», – закончив петь, шепчет Роб.

На сей раз Гай начинает наигрывать Changes, и Роб запекает, читая слова с компьютера Гая. В припеве присоединяется Руфус – Роб поет ch-ch-changes, Руфус – строчки между. Роб поднимает руки к небу. Когда Гай играет коду, Роб тихо хлопает и в последний раз приглушенно произносит «Дэвид Боуи».

* * *

Пару дней спустя Робу попадаетея воспоминание о Дэвиде Боуи, написанное британским журналистом Диланом Джонсом. Там есть фрагмент про то, как Джонс и Боуи останавливались в лондонском отеле Nalkin примерно году в 2002:

«Мы добрый час потратили на обсуждение, почему так

знаменит Робби Уильямс... Кажется, что его несколько злит успех Робби, потому что, по его мнению, он чуть больше, чем ретро-певец-танцор. Боуи же почти всю свою карьеру следовал инстинкту, в надежде, что тот совпадет с массовым вкусом, так что когда он столкнулся с феноменом, который ему непонятен (как Робби Уильямс), он захотел добраться до его основы. Боуи пришел в ярость, узнав, что Робби взял многое у темы Джона Барри “You Only Live Twice” для “Millenium”... он удивлялся, как, черт возьми, это с рук сошло».

«Я проснулся часов в пять, – рассказывает на следующее утро за завтраком Роб, – расстроенный тем, что Дэвид Боуи не любил меня».

Роб размышляет: может быть, Дэвид Боуи такие чувства стал испытывать после того, что случилось на NetAid. Это было такое благотворительное шоу на стадионе Уэмбли в 1999 году, против бедности. В афише были оба, Уильямс и Боуи. Фестиваль стал одной из главных ступенек в возвышении Роба: «Одна из таких, как Том Джонс на The Brits, Майкл Паркинсон – я вышел на сцену и меня приветствовали в стиле «тот, кого все больше всех любят». Волной любви захлестнуло. Эйфория полнейшая. И я всеми управлял». Роб спел всего пять песен, но это были его топовые синглы: “Let Me Entertain You”, “Millenium”, “Strong”, “Old Before I Die” и “Angels”.

«После меня вышел Дэвид Боуи, и его сет оказался подо-

бран так, как будто не ставилась задача порадовать народ», вспоминает Роб. Боуи включил в программу песни из своего последнего на тот момент альбома *Hours*: «...И принято это было не очень хорошо».

Может быть, в этом все и дело.

Но чувства – смешанные. «Ну я типа да, оплакиваю потерю, но тут все сложнее уже», – говорит он.

Позже в студии он снова поднимает эту тему.

«А ты-то читал про эту фигню про Боуи, о которой Дилан Джонс из GQ сегодня рассказывал? – спросил он Гая. – Ну где они долго разговаривают на тему того, что в мой успех трудно поверить?»

Роб замечает, что вообще-то и раньше слышал, что Боуи о нем слегка пренебрежительно отзывается. Конкретно однажды Боуи сказал в интервью BBC вот что: «Я знаю, что есть Кайли, Робби, шоу «Поп-идол» и все такое прочее. От этого никуда не денешься, если ты в деле, так что мне известно все о той части британской поп-музыки, где царит дух развлечений в стиле круизного лайнера».

«Помню, я тогда от этого такой: о-о-о...», – говорит он Гаю. Но Роб понимает, что сам часто разглагольствовал в таком стиле, заботясь более о том, чтобы его слова были интересными и честными, чем осторожными и дипломатичным.

«И я про некоторых людей такое думал», – говорит Роб.

«И о себе», – уточняет Гай.

«Ага», – соглашается Роб.

Сентябрь 2006 года

В середине тура Close Encounters Роб выпускает новые сингл и альбом, альбом этот он записывал в прошлом году, по большей части в студии, оборудованной на части хозяйской спальни в его лос-анджелесском доме. Работал с массой музыкантов, по большей части друзей своих: «Я так весело еще ни один альбом не записывал. Я его рассматривал как такой альбом промежуточного года, на котором мы с друзьями веселились и кричали: «Смори!». В альбом вошло несколько довольно неожиданных кавер-версий; Роб попробовал себя во всяких эклектичных стилях, в том числе – рэпе. «Я думал, что веселье это слушателю передастся. Я такой: «О, да это ж мое родное звучание, это я на самом деле, моя работа! Блеск! Я нашел то, что надо!». Я делал альбом, который поразил бы меня пятнадцатилетнего».

Альбому он дал название *Rudebox* – по самой жесткой рэп-песне на нем. Ее же и выпустили первым синглом. В первый же вечер, когда он начал петь эту песню на концерте, ближе к финалу шоу в Хэмден-парке, он понял, что вот эта авантюра заведет его несколько не туда, куда он предполагал. Казалось, что шотландцы, заполонившие весь стадион, вдруг несколько охладели, слегка разочарованные тем, что услышали. Он вспоминает, что его это позабавило, но и насторожило слег-

ка.

Гораздо больший ущерб причинила пресса. Ну или, по крайней мере, одно довольно специфическое, хоть и влиятельное, ее крыло. По иронии судьбы, учитывая, что альбом вошел в историю как некий эпический провал, *Rudebox* получил несколько положительных рецензий. Но все это заранее уничтожил главный музыкальный критик газеты *The Sun*, пишущая о попсе Виктория Ньютон (именно ее на недавней вечеринке в Лос-Анджелесе Роб домогался словесно, случайно или не совсем). Она написала очень жесткий отзыв на сингл “Rudebox” – целый разворот под заголовком: «У Робби вышел САМЫЙ худший сингл».

Чуть более детальный подзаголовок всадил нож еще чуть глубже:

SINGER'S NEW RAP – WITH A SILENT C

И дальше, в самой статье, такое: «Новый трек Робби Уильямса “Rudebox” – это не просто его худшая песня, это самая худшая запись из тех, что я **ВООБЩЕ** слышала (а вы уж поверьте, что приходилось мне слышать на своем веку дерьма предостаточно)... попробуйте представить себе, что вы с друзьями в своей комнатке включили драм-машину и типа «рэп» смешной читаете под нее. Разница только в том, что у Робби есть возможность эту чепуху выпустить на пластинке – у него ж контракт со звукозаписывающей компанией есть. Rudebox? Скорее, Rudeb****х».

Это задало стиль: с тех пор про альбом только так и гово-

рят.

* * *

«Я думаю, что такой прием этого альбома – это просто блядство, – говорит он. – Они годами ждали повода на меня наброситься, прощупывали, и тут вдруг все вместе как начали: Быстрее, он свалился, прыгай на него, бей посильнее, пусть сдохнет, еще, еще, так его!»

Но зачем?

«Ну потому что это явно было слабое место в блистательной карьере».

Вне зависимости от того, было оно таковым или не было, почему, как вам кажется, они ждали повода наброситься?

«Ну это ж их работа, разве нет? Их заработок. Миллион раз говорили: сделай им имя, а потом смешай с грязью».

Смеется.

«Сейчас-то они такие, что не достойны того, чтоб им имя делать».

Не важно, что альбом разошелся тиражом в два миллиона. Это по высоким стандартам Роба довольно удручающий результат, но для большинства других артистов – гигантская цифра. Позже распространился слух о том, что EMI Records вынуждена была горы непроданных дисков *Rudebox* отправить в Китай, где их раздробили и использовали для поверхности дорожного полотна. Вот во что превратился *Rudebox*:

альбом настолько провальный, что, со всей своей заносчивостью, неуклюжестью и белым мальчиком-рэпером, был раздавлен неизвестными китайскими пригородными рабочими. (Не важно, правдива ли эта история – скорее всего вранье, конечно. «Я более чем уверен в том, что это все выдумка», говорит Тони Уэдсворт, в то время председатель и CEO EMI, указывая на то, что в 2006 году компакт-диски печатались уже настолько быстро, что совершенно не стоило рисковать, запасая на складах их гигантское количество.)

Так *Rudebox* и запомнят как глупую причуду Робби Уильямса, приведшую к провалу. С историей этой Роб потом часто будет заигрывать, много лет. Он не из тех, кто боится растравливать свои раны. Особенно когда можно повеселить, а здесь юмора хоть отбавляй. Ну и какая разница, что по правде очень мало его альбомов – если такие вообще есть еще – которые он сам любил бы сильнее, чем этот, и что ни один другой настолько точно не отражает его характер и вкус? Как правило, всегда легче и веселей – а может, и менее болезненно – просто подыграть.

* * *

Январь 2016 года

Даже в близком кругу он, прям как в интервью или со сцены, по-всякому высмеивает *Rudebox*.

Однажды Роб пожаловался Айде, совершенно серьезно

притом, что «Тедди меня отталкивает». Он начинает такую беседу, которую ведут все родители, когда подросший ребенок начинает изучать и пытается понять окружающий мир, и его поведение меняется день ото дня.

«Наверное, – предполагает Айда, – она наконец послушала *Rudebox*».

* * *

Утром за завтраком Роб читает Тедди книжку «Все какают». Потом едет к психотерапевту. Он периодически ходит к врачу – почувствовав, что надо. Сегодня у него новый доктор, они еще не общались. После приема он делится впечатлениями: «Я говорил очень много, долго. Но доктор мне очень понравился».

Он уточняет кое-что, о чем именно говорили: «О том, как я не хочу общаться с людьми и как паникую, когда я не дома, хотя не так сильно здесь, как в Юкей. И что когда сажусь в самолет или выхожу из машины – то обосраться могу». Потом добавляет: «И я еще рассказал типа про траты. Меня пугает, как утекают деньги, потому что я не умею быть взрослым».

Он смеется, потом продолжает.

«Я серьезно. Я не шутил, ничего не приукрашивал, не прятал счет, не ходил в супермаркет – здесь у меня прогресс слабоват. У меня здесь дети, а если деньги уйдут, то я не знаю, что делать. Я пойму как, достаточно быстро, но...»

Тут он сам понял, как это звучит. Что вот это вот то, что его беспокоит. «Я *знаю*, – признает он, – что по-настоящему это проблема из серии “сердце кровью обливается”». Но по-настоящему для меня это и есть моя жизнь».

А если вы – Робби Уильямс, то какой вам смысл, придя к врачу, разговаривать о чьих-то проблемах?

* * *

Ближе к вечеру, сидя с Майклом и Дэвидом, Роб высказывает одну просьбу. В который раз.

«Мне, Майкл, новый компьютер нужен». Он показывает трещину в том компьютере, которым он сейчас пользуется.

«Ты что, снова его ронял?» В вопросе Дэвида скорее веселье, чем что-либо еще.

«Чувак, за последние полмесяца он у меня пять раз падал», – отвечает Роб.

Но тут он с радостным возбуждением делится новым открытием – что вина за это и другие подобные несчастья лежит, возможно, *не полностью* на нем.

«Доктор спросил, а вот в детстве вы теряли ли вещи, роняли их, не могли сконцентрироваться... И я такой: ну да!»

И его радует то, что это может означать.

«Так что, – провозглашает Роб, как будто это значит как минимум в одном смысле, что за все за такое с него можно снять ответственность, – это *обстоятельство*».

На следующий день в гости приезжает продюсер Стюарт Прайс – в теннис поиграть. Роб упоминает, что вчера начал курс психотерапии. «И он мне такой: ставили вам в 15 или 16 лет диагноз депрессия?» – говорит Роб и заливается смехом. Ну абсурд же – как кто-то может подумать, что в Британии может такое происходить?

«Да уж, такого у нас в Британии нет», – соглашается Стюарт. (Он тоже англичанин.)

«Я вообще о таком узнал только когда в клинику попал, – говорит Роб. – Что? Я это могу *называть* каким-то термином?»

В теннис выигрывает Стюарт, но Роб отыгрывается за билльямом. Потом они совершают мандариновую прогулку с Крисом Бриггсом и Дэвидом. Пока идут, Роб уже по-другому, более сжато и сухо, рассказывает, как был у врача:

«Я заговорил об Айде и детях, и добрался до того, что мне надо исправить самооценку».

Все смеются.

«Нет, – возражает он, – именно так и произошло».

* * *

Декабрь 2006 года – февраль 2007-го

В первых числа декабря Роб отправил мне мейл из Австралии:

«Год ужос нах... почти кончился... потом смогу наконец башку в порядок привести... пора менять все уже... в итоге весь тур и все, что он сделал с моей головой, будет мощным (духовным) даром. Но сейчас... и т. д.».

* * *

Последний отрезок тура Close Encounters стартовал в конце ноября.

«В Австралии было реально жестко, – вспоминает он. – Я не спал. Мне от синдрома дефицита внимания и гиперактивности прописали таблетки, а они, конечно же, содержат амфетамин, на который я, конечно же, подсел, так что одна таблетка не действовала на меня, две не действовали, три, так что я стал уже горсть зараз принимать. А это как мешок Pro Plus съесть: тебе сразу страшно, неуютно, с ума сходишь, паранойя».

Последний концерт состоялся в Мельбурне 18 декабря 2006 года.

«Не спал вообще, – рассказывает он. – А надо было выходить петь перед восьмьюдесятью тысячами народу или сколько их там было. Это вот напрягало сильно. Себя подвести, их подвести, подвести тех, для кого я работаю. И к тому же отыграв в том году несколько успешных концертов и понимая, на что я способен – вне зависимости от того, считаю я себя этого достойным, или нет. А в тот вечер – ну точно нет. Энергии у меня уже просто вообще не осталось. Я был затраханым. Но о концертах, которые оказались дерьмовыми, никакой волны плохих отзывов не было. Так что я объявился и выдал все, что у меня оставалось, пусть и в измененном состоянии».

После этого – обратно в Лос-Анджелес. Теперь наконец-то у него есть время и место, чтобы расслабиться, прийти в себя, выздороветь.

Но так не случилось.

«Никакого облегчения, – говорит он, – потому что я понимал, что придет какая-то расплата – душевная, физическая и умственная – за то, что я только что прошел».

Когда твой мир рушится, подчас трудно это остановить.

* * *

После любого тура всегда какое-то время тяжело.

«Даже когда ты заканчиваешь тур совершенно трезвым, потом происходит страшный упадок. В восемь вечера твое

тело само включается в режим «Привееееет! Слышите меня??? Let me entertain youuuuu!!!» А *что* делать – ты не знаешь. Вот так бьешься об стену, я бы сказал, месяц после тура. Потому что там все распланировано: «В только-то часов столько-то минут идешь туда-то, делаешь то-то...»

На сей раз он в еще большем раздрае.

«Я полагаю, что это был... – он подбирает слово, – срыв». Затем распекает себя за то, что плясал вокруг слова: «Конечно, ну конечно же это был он».

Ну а когда тур уже состоялся, о чем вы думали?

«Я к тому моменту вообще не думал. Я столько таблеток съел, что изменился... так, что, может, это уже и не исправить. Столько переварил веществ, что с ума сошел».

Вы вернулись в Лос-Анджелес. Там что происходило?

«Совсем не сложно получить чего хочешь, оно всегда где-то близко – поскреби поверхность и что-то обнаружится. Странное дело: когда ничего не ищешь, ничего к тебе и не идет. Я за те годы, что трезвым был, такое заметил: когда кто-то нюхает кокаин – меня нет с ним в туалете, и экстази мне никто не предлагает. Короче, когда ты с темы соскочил – все, ты с нее соскочил. Вообще не в курсе ничего. Блаженное незнание. Но вот когда ты употребляешь, ты все находишь за секунду. Так что когда я вернулся в Лос-Анджелес, я принялся покупать очень дорогие наркотики. Я вообще сидел на «Адероле». У себя в комнате занюхивал кокаин. Но от кокаина мне ничего хорошего – у меня от него в башке что-то

перещелкивает, что я кудахтать начинаю, как курица. И не я поднимаюсь, а меня сносит куда-то в сторону. И никаких быстрых разговоров, тешащих эго, а просто ужасная печаль: я один в комнате, параноик испуганный».

Занятие, похоже, не очень привлекательное.

«Совсем не привлекательное».

Тогда почему вы это употребляли в таких обстоятельствах?

«Потому что зависим был. На “Анонимных алкоголиках”, на терапии и в рехабе тебе говорят, что при рецидиве ты начинаешь там, где бросил, и набираешь еще. Точно это у меня и было. В 1995 и 1996 году было нечто изумительно-гедонистическое, такое не вернешь – сексуальность и полная оторванность. Много адских ночей, но также просто полный отрыв, *моему телу и мозгу нужны только секс, наркотики, рок-н-ролл* и место, куда надеешься вернуться когда-нибудь. Так что, думаю, я просто хотел воссоздать то время. Но получилось неважно. Не справился вообще. Уже кишка тонка на все на это. Грустно, встаешь на тот путь – это как написать самому себе записку самоубийцы. Я тогда не понимал, но все разваливается моментально: искажается реальность, твои ощущения, когда надо остановиться, и тут уже начинается настоящая зависимость, по-серьезному. Да, вот в таком месте я побывал... Я бы сказал – умирал медленно, но умирал-то я быстро. Левая рука немеет – обычное дело. Один поклонник дал мне «Сероквель» – это вроде от шизофрении

таблетки или типа того. И в любом случае тяжелая смесь кокаина с этими таблетками обеспечила мне «приход» в худшем смысле. Ноги не слушались. В ванной я упал, ударился о футляр выключателя бровью, сорвал его и типа валялся потом на полу в луже собственной крови. Так и лежал. Но хотя бы свет включил – это плюс, так что мог видеть, что вокруг».

Это заставило вас задуматься над тем, что вообще с вами происходит?

«Я уже до такой точки дошел, где все равно – жив ты или мертв. Это не самое здоровое место. Мягко говоря. Но просто зависимость и все, что я принимал, довели меня до того, что мне было уже плевать».

Так думали ли вы, что вы в опасности?

«Ага. Понимал, что в дерьме».

И о чем думали?

«Думал: помираю, но это меня не волнует».

Грустная мысль.

«Да вообще кошмарная. Я, понимаешь, в очень-очень темных местах оказался. Самых, наверное, мрачных, куда только можно добраться. Если есть какие-то уровни там – то снова их посетить я не хочу».

А почему вам было все равно?

«Я думаю, что зависимость уничтожает саму способность к равнодушному отношению. Собственно, поэтому так много народу умирает, будучи наркозависимыми. У меня лично была самая гигантская апатия в жизни».

А дни как строились?

«Днем я приходил в себя после того, что было ночью».

А ночи?

«Ну снова шлялся и все делал, что обычно».

А остальное время?

«А не было никакого остального времени. Все – только это».

* * *

Странно, но единственное, что не употреблял Роб даже в самые плохие времена, – выпивка.

Одна из причин, как он вспоминает – если он честен сам с собой – чистое тщеславие.

«Выпивка, – утверждает он, – делает меня *гигантом*».

Возможно, и какие-то рудименты гордости остались – он до сих пор упорно вспоминает это маленькое достижение: «Я столько прошел без выпивки – и сейчас не пью».

И возможно также, по его словам, таким способом он заговаривал себя – не так, дескать, все плохо. А если бы пил – ну, тут уж пришлось бы признать, что на *самом деле* у него проблемы...

В начале февраля я проезжал Лос-Анджелес и зашел к нему в гости.

«Помню, ага».

Вам было плоховато.

«Ага, с ума сходил».

Внезапно звонил телефон и вы бежали на улицу кого-то встречать.

«Ага, там так было: окно машины опускается, из него высовывается рука с пакетиком, я беру его, отдаю деньги, и никто со мной, как с настоящим наркоманом, не разговаривает. Чистый бизнес: товар привез – уехал. Обычно я с дилерами болтаю».

Я помню, что странный способ маскировки был избран: ты типа говорил, пойду-ка я и занюхаю кокс в одиночестве.

«Ага».

Даже тогда, в то жуткое для тебя время, ты как будто воспроизводил режиссерский комментарий.

«Ага, правду говорю с усилием. По большей части».

А я помню, пока тут гостил, что ты довольно много времени валялся в постели, все время мне рассказывая про те страницы в автобиографии Гари Барлоу, которые тебя особенно раздражали.

«Ага. Когда ты закидываешься немеряно “Адеролом”, те-

бя может заклинить на чем угодно. И до рехаба меня конкретно клинило на автобиографии Гари Барлоу».

Я подумал, что тебя взбесила некая несправедливость в этой книге.

«Взбесила? Ну, пока он не написал “Я был абсолютным говном по отношению к Робби Уильямсу и хочу воспользоваться данной возможностью попросить прощения, и не могу дождаться возможности все исправить...”, я так и думал».

Этот визит получился проблемным. В художественной литературе, когда персонаж катится по наклонной, в сюжете есть момент, когда главный герой вдруг понимает, что происходит. Тут у всех с глаз пелена спадает, все вдруг *в курсе*, и начинается исцеление. Но одна из нерешаемых проблем с Робом заключается в том, что во всех трудных ситуациях, включая эту, он умеет показать, что-де он все прекрасно осознает всю трудность своего положения и прекрасно понимает, как вы его видите, и разговаривает с тобой об этом он совершенно честно и открыто, и даже предвидит все твои хорошие мысли и добрые советы – вот прямо как со мной в тот вечер у него дома. И на самом деле вот это вот самоосознание ситуацию только ухудшает, потому что подрывает надежду на то, что он внезапно *поймет*.

А что он должен понять, если он и так уже все прекрасно знает?

* * *

Можешь ли ты сказать, что окружающие за тебя волновались?

«О да. Окружающие волновались. Поэтому вмешались, отправили меня в клинику и тем спасли мне жизнь».

Через пару дней после моего визита в Лос-Анджелес должны были заехать его менеджеры, Тим Кларк и Дэвид Энтховен. Они сообщили Робу, что есть разговор. Он сразу понял, что имеется в виду. Он уже почти ополоумел, но дураком не был. «Я уже лежал в рехабе, и знал, что там так скучно, что мозги высыхают. Это было последнее место, где мне хотелось бы оказаться. Также это означало, что моя зависимость закончится, а я уже втянулся очень сильно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.